

Обычно, когда мы констатируем факт, что некое явление возвращается к нам вновь и вновь в первозданном виде, в нашем отношении сквозит определённый оттенок пренебрежения и даже раздражения: значит, перед нами нечто отнюдь не уникальное и, хуже того, возможно, банальное, набившее

оскомину... Но в действительности именно повторяемость лежит в основе всего мироздания как некий высший закон созидания. Не что иное как возвратность ритма (пульсация звёзд, биение сердца), его непрерывное повторение обеспечивают существование вселенной в целом и каждого живого организма

в отдельности. Соответственно, и творческая деятельность человека как демиурга, создателя хотя и маленького, но самобытного мира, базируется на том же основополагающем принципе. Чтобы убедиться во всеобщей справедливости этого мирового закона, достаточно рассмотреть более пристально хотя бы некоторые из его проявлений, что я и постараюсь сделать в этой статье.

ВРЕМЯ КАК ПОВОРОТ. Само понятие «время» означает именно нечто циклически повторяющееся, вертящееся (первоначальная форма слова, восстановленная лингвистами — «vertmen»). В связи с этим интересно отметить: у древних римлян божество, отвечавшее за смену сезонов, называлось Вертумном. У большинства европейских народов за время и судьбу, предназначенные человеку, ответственны женские божества, связанные с прядением, а значит, с беспрерывно повторяющимися поворотами колеса прялки и веретена (Мойры у греков, Парки у римлян, Лайма у литовцев и латышей, Макоши у славян). Да и само слово «веретено», как и однокоренное с ним «время», означает не что иное как «вращение», «поворот». Таким образом, время уходит безвозвратно, но его периоды, в частности, сезоны — возвращаются к нам вновь и вновь, циклически повторяясь. Это древнейшее представление, как мы видим, нашло выражение и в языке.

РИТМ. Для начала отметим: ритм есть повторение одинаковых элементов через определённый временной промежуток. Именно чёт-

кий, правильный ритм лежит как в основе мироздания, так и успешной жизнедеятельности любого живого организма. Без чётко выраженной ритмической основы немислимы музыка, танец и поэзия, изначально прочно соединённая с музыкальной первоосновой. Многие исследования позволяют аргументированно говорить о наличии ритма и в прозе. Однако ничуть не менее важна ритмическая повторяемость в изобразительном искусстве (орнамент, вышивка), а также в архитектуре. Именно поэтому искусство зодчества нередко именуют застывшей музыкой. Пифагор говорил о «музыке сфер» применительно к небесным телам, подметив: звёздное мерцание похоже на пульс, подчиняющийся определённому ритму. Аристотель же обоснованно утверждал: искусство есть не что иное, как подражание реальности, а значит, в основе творений художественного гения не могут не лежать основные и непреложные законы мироздания.

РИФМА. «Года шалунью-рифму гонят», — посетовал некогда Пушкин. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается: она вовсе не такая уж и шалунья. Дело в том, что «рифма» и «ритм» — однокоренные слова, означающие «размеренность», «такт», а ещё точнее — даже формы одного и того же слова. На мой взгляд, утвердившийся в русском языке термин не слишком удачен, гораздо точнее латышское «atskana», дословно — «отзвучие». Действительно, рифма представляет собой отзвук, своеобразное эхо

окончания рифмующегося слова. Иными словами, это не что иное, как звуковой повтор, подхват окончания, происходящий внутри стихотворения в определённом порядке, с соблюдением размерности и такта (вот в этом с античным термином не поспоришь). В силу внутренней упорядоченности, предсказуемости такого повтора внутри стихотворения ухо слушателя заранее настроено на отзвук-эхо, ждёт и даже жаждет его. Таким образом, рифма — важный элемент структуры стихотворения, его благозвучия и гармонии. А ведь поэзия, как гласит одно из её определений, есть не что иное, как способность мыслить гармонически. Существуют указания на то, что рифма стала обязательным элементом европейского стиха достаточно поздно, и с этим можно согласиться. Однако в языке созвучия существовали изначально и, надо полагать, охотно использовались в различных видах народного творчества, таких как пословицы, поговорки, сказки, делая текст более ярким и запоминающимся (ведь рифма, помимо прочего, ещё и мнемонический приём). В европейском стихосложении мы привыкли к тому, что рифма традиционно венчает собой строку, а вот на Востоке за ней нередко следует редиф, о котором речь впереди. Кроме того, существуют и внутренние созвучия, расположенные в произвольном порядке внутри строфы. В любом случае, где бы он ни находился, звуковой повтор-эхо обогащает стих музыкой и психологически воспринимается весьма поло-

жительно. При этом читатель, как правило, не отдаёт себе отчёта, за счёт чего особенно ласкает слух и с лёгкостью запоминается та или иная поэтическая строка.

АЛЛИТЕРАЦИЯ. Этот художественный приём гораздо старше «шалуньи-рифмы» и уходит корнями в глубочайшую древность. Можно с полным основанием утверждать: аллитерация, она же звукопись, — один из самых старых и испытанных способов организации художественного текста. Повторение одних и тех же согласных звуков (а твёрдой основой слова служат именно согласные, гласные же с лёгкостью варьируются), которое и называется аллитерацией, характерно не только для поэзии, но и для большинства видов фольклора. В частности, английские пословицы, поговорки, детские песенки и стишки, всяческие прибаутки просто изобилуют звукописью. В них упорядоченность строки создаёт именно старушка-аллитерация, появившаяся на свет задолго до рифмы. Безусловно, она также способствует лёгкому запоминанию, являясь проверенным веками мнемоническим приёмом. Излишне напоминать: высокая поэзия, в свою очередь, отнюдь не чуждается звукописи, и великолепные её примеры можно найти без труда в строках великих поэтов. На мой субъективный взгляд, в XX столетии особенно удачно аллитерацией пользовались Заболоцкий и Цветаева. Причём, Цветаева была подлинным мастером не только прямой, но и обратной аллитерации, при которой согласные зву-

ки повторяются в обратном порядке. («...В тени Цирцеиных ресниц», «...Лёгоньякая стопка восхитительных стихов» и множество других подобных примеров). В произведениях этого величайшего поэта музыка буквально поражает и завораживает за счёт вихревого ритма, богатых и неожиданных рифм, уникальной звукописи... И всё это богатство — именно за счёт повторов со всеми их бесчисленными разновидностями.

РЕФРЕН. Можно сказать, козырная карта в избранной теме, король повторов, ибо сам термин в переводе с французского языка означает «повторение». В музыке так принято называть основную тему произведения, которая повторяется, как бы пронизывая его насквозь. В стихах рефрен — фрагмент текста, повторяющийся в определённом порядке. Распространённая и всем известная разновидность рефрена — песенный припев, звучащий после каждого куплета в неизменном виде. Казалось бы, такой фрагмент рискует надоесть, начать восприниматься монотонно и назойливо, но в реальности этого не происходит. Напротив, слушатели, в первую очередь, запоминают именно припев, который, как правило, и несёт основную смысловую нагрузку, идею произведения в сочетании с общим его настроением. Но как удаётся избежать монотонности и скуки? Секрет прост: рефрен, оставаясь абсолютно неизменным, тем не менее, постоянно меняется, трансформируется в нашем восприятии. В нём, словно в неподвижных

водах озера, каждый раз отражается текст помещаемого рядом катрена (четверостишия) или куплета в песне, а они-то как раз подвержены обязательным изменениям. Именно непрерывная смена ближайшего окружения придаёт подвижность статичному, казалось бы, рефрену, и он каждый раз воспринимается сознанием по-новому. Словно в неподвижном зеркале вод отражается то закат, то восход, то проносающийся мимо поезд... Изменчивость при полной неизменности, подвижность при абсолютной статичности — именно таков парадоксальный закон рефрена.

РЕДИФ. Экзотический гость в нашем повествовании, ибо он — традиционный и неотъемлемый атрибут восточной поэзии. Если термин «рефрен» пришёл к нам из французского языка, то «редиф» — арабизм, причём — достаточно образный. В переводе слово означает «сидящий позади всадника». Всадником в этом контексте признаётся рифма, а редиф — повтор, следующий за ней. При этом он может быть как кратким, включающим лишь одно-единственное слово, так и развёрнутым, распространённым, состоящим из группы слов. В восточной традиции редиф используется чрезвычайно широко в самых различных поэтических жанрах, придавая стиху дополнительную музыкальность и выразительность. Роскошной цветистостью и красноречивостью поэзия Востока, не в последнюю очередь, обязана именно ему. Редиф можно уподобить красочному, нарядному

